

«ПРОТИВОЯДИЕ ОТ МИФА»: ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА РОЛАНА БАРТА

Ильченко Михаил
магистрант факультета
политологии и
социологии УрГУ

E-mail:
msilchenko@mail.ru

Нередко приходится слышать о том, что в семидесятые годы Ролан Барт стал «другим». Другим, нежели в шестидесятые. А в шестидесятые, в свою очередь, отошёл от принципов, им же утверждённых десятилетием раньше. Критики уверенно выделяют «структуралистский» этап его творчества и аналогичные периоды с приставками «до» и «пост». Аккуратно раскладывают по ним произведения, отмечают границы «переходов» и выстраивают картину последовательного развития идей. Барт предстаёт философом, культурологом, критиком, литературоведом, семиологом...

Условность подобных определений очевидна, как очевидна их неспособность помочь в более глубоком понимании произведений автора, посвятившего свою жизнь борьбе с всевозможными клише и шаблонами. Так ли уж важны эти обозначения в случае с творчеством человека, всегда преследовавшего одну цель и самостоятельно создававшего средства для её достижения? Произведения Барта сложно заключить в какие-либо стилистические рамки. Да и вряд ли стоит. Наверное, это имел в виду и сам автор, когда говорил о том, что им созданы «одни только эссе».¹

При более пристальном и глубоком ознакомлении с работами Барта его творческий путь не покажется содержащим столь разные «участки дороги». И не столь очевидным станет разрыв между «Мифологиями» и деконструктивистскими практиками семидесятых годов.

Между «мифом» и «текстом» нет кардинальной смены научных ориентиров, исследовательских интересов или разочарований в «прошлом». А есть неустанные поиски свободы от «шаблонизированных дискурсов» и всюду навязываемых стереотипов. Поиски, приводящие порой к смене методологических приёмов, выбору новых средств анализа, но не

отступающие от пути достижения основной цели творчества Барта. Автор всегда остро реагирует на любые попытки принуждения к чтению. Увидеть «текучесть», непрерывную «подвижность смысла»² в знаковом пространстве плотных наслоений дискурса – вот его основная задача.

И Барт находит «свободную» от власти языка область, которую ищет на протяжении всего своего творчества. Ей становится «многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным»³ – пространство Текста. Правда, более корректно назвать его не свободным пространством, а пространством свободной «игры». Собственно, движение от «мифа» к «тексту» – это, прежде всего, движение от «борьбы» к «игре». Задав «Мифологиями» программу к дешифровке и разоблачению мифологической структуры, Барт сделал задачей семиологии анализ форм мифического. Этот период творчества автора традиционно принято связывать с наиболее острой критикой буржуазного мифологического сознания. Его суть как нельзя лучше отражает описываемое Бартом положение мифолога в современном обществе, обречённого «жить в состоянии чисто теоретической социальности» и «говорить» на метаязыке⁴. Мифологу словно определена отчуждённость. Ведь если миф охватывает всё общество, то мифолог вынужден от этого общества отстраниться. В определённой степени, он находится вне реальности, он сторонний наблюдатель, беспристрастный аналитик. Мифолог обречён находиться в этих рамках постольку, поскольку неизменна структура мифического. Он сам является пленником мифа. Важно подчеркнуть, что суть деятельности мифолога – разрушение означаемого. Это принципиальный момент. Характер произошедших через полтора десятилетия в исследованиях Барта методологических изменений во многом определяется переносом основного акцента с означаемого на знаковую конструкцию в целом. Объяснение такому «перевороту» автор дёт в небольшой статье «Мифология сегодня».

В условиях, когда неизменными остаются как мифы, так и способы их анализа, изменяется другое – «наука о чтении, под взором которой миф, словно животное, долго наблюдаемое в неволе, становится уже иным объектом».⁵ Барт не придаёт прежнего значения дешифровке. Сейчас, по его мнению, это может сделать «любой студент».⁶ Теперь необходимо сосредоточиться не на анализе и разоблачении структуры мифа, а на расшатывании всего знака.

Это становится делом не мифолога-наблюдателя, а скорее мифолога-«игрока». В поле зрения последнего попадает не идеологическое означаемое, а знак целиком во всём своём многообразии. И если речь идёт о «науке чтения», то это чтение означающих, принимающих всё новые и новые формы. Всепроникаемость языка обеспечивает их бесконечное видоизменение. Мир вокруг – это мир многочисленных наслаивающихся друг на друга дискурсов. Именно поэтому Барт смещает акценты. С означаемого на знак и с дешифровки на «оценку». Автор избегает здесь использования понятия «удовольствие». Однако, из существенного изменения роли, которая ранее отводилась мифологу-наблюдателю видно, что теперь изменится и его отношение к окружающему. На смену напряжённости и отчуждению приходят элементы игры – «хитрость», «ловкость», «изворотливость». Мифолог-«игрок» не борется с мифом, он скорее «обманывает» его.

Изменилось положение мифолога, изменился объект его анализа, изменились и границы самого мифического. Некогда всеохватывающий миф оказался помещённым в безгранично широкое пространство языка и переплетающихся дискурсов. В таких условиях миф сохранил свои ключевые характеристики, но несколько изменил свои внешние очертания. Говоря о том, что «сегодня стоит задача различать и описывать не столько мифы, сколько идиолекты»⁷, Барт переводит саму проблему мифического в иную, «языковую», плоскость. И если раньше противоядие от мифа не было, то теперь оно появилось. Этим противоядием стал Текст.

Инстинктивно нащупывая ключевой критерий определения мифического в поле пересечения множества современных дискурсов, Барт затрудняется его чётко сформулировать, говоря о «фразеологическом сгущении», «компактности» и «плотности» языка. Так или иначе, автор обнаруживает самое важное: носителем мифического становятся «фразы». Будучи включённым в «общую теорию языка», миф оказывается в новой системе координат, где наиболее плотному языку, устойчивому диалекту, мифическому дискурсу всегда противопоставлена область «языковой» свободы Текста. Это безбрежное пространство пересечений дискурсов, их сплетения и нескончаемой «игры». И если раньше говорилось о том, что миф поглощает язык, первичный язык-объект, то теперь сам миф поглощается Текстом. В Тексте растворяется метаязык, а значит, растворяется и мифическое. Миф не разрушается, он «обманывается», лишаясь питательной почвы для своего существования. Текст использует все слабые стороны мифа, заполняя вокруг него всё возможное пространство.

Ранее объектом дешифровки выступало означаемое, сейчас с изменением «науки о чтении» в центре внимания оказалось означающее. А потому особое качество приобрёл Текст, постигаемый через «своё отношение к знаку».⁸ «В Тексте... означаемое

бесконечно откладывается на будущее; Текст уклончив, он работает в сфере означающего»⁹, – пишет Барт. И тем самым даёт понять, что в структурном плане Текст соотносится с мифом так же, как с произведением. Он существует в поле бесконечно переплетающихся и сменяющих друг друга означающих, оставляя миф не у дел. В этом и проявляется «игра» Текста. Он подвижен, изменчив и всегда открыт. Текст всегда «течёт» по смысловой поверхности, миф же оказывается попросту не в состоянии (обо)значить себя и закрепить своё положение.

Миф способен накапливать под внешней оболочкой означаемого целые слои смыслов, нагромождения которых составляют в конечном итоге уровень идеологического. Вбирая их в себя, он претендует на естественность и «природность». Тексту также характерно обладание множеством смыслов. Но это множество совсем другого порядка. Это даже не множество, а множественность смысла в своём исконном проявлении. Текст существует именно в её пространстве. И множественность – условие существования Текста как такового, а не возможность или допущение. Там где миф готов ожидать некой реакции на своё восприятие, Текст нельзя предугадать, он всегда различен. Он погружён в пространство бесконечных цитат, отсылок и интерпретаций.

Миф всегда представляет собой готовый «продукт», продукт потребления. Таким же продуктом в структурном смысле выступает и произведение, оторванное от читателя и потому всегда навязываемое. Подчёркивая сомнительный характер его происхождения, Барт говорит о неизбежном сокращении расстояния между письмом и чтением и постепенном их превращении в некий сплав совершенно нового вида деятельности. Этот новый вид деятельности представляет собой игру, «игру в Текст» и «игру Текстом». Такая игра – гарантия его «свободного плавания». Она же является главным противоядием от мифического, которое, в свою очередь, ничего не в силах противопоставить постоянной смене «правил игры».

Пространство Текста – это в определённом смысле утопия. Но она не требует от человека сверхчеловеческих качеств. Она не требует «мистической единичности», описанной Киркегором в контексте жертвоприношения Авраама, не требует «ликующего ницшевского атеизма», о которых говорит Барт как о единственно возможных средствах освобождения от власти языка¹⁰. Пространство Текста – это пространство удовольствия, пространство «игры» дискурсов, свободное от принуждения культуры. Это даже не утопия, а «у-топический топос», образующий «область воздушной лёгкости, открытого простора, рассредоточенности, благородной вольности»¹¹, которая как нельзя лучше претворяет собой замысел Барта о сфере «очищенного» от «шаблонизированных

дискурсов» языка.

1. Барт Р. Актовая лекция, прочитанная при вступлении в должность заведующего кафедрой литературной семиологии в Коллеж-де-Франс 7 января 1977 г //Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 545.

2. Зенкин С.Н. Ролан Барт и семиологический проект//Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 18.

3. Барт Р. Смерть автора //Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 388.

4. Барт Р. Мифологии. М., 2004. С. 284.

5. Барт Р. Мифология сегодня// Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 475.

6. Барт Р. Мифология сегодня// Система моды.

Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 475.

7. Барт Р. Мифология сегодня// Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 477.

8. Барт Р. От произведения к тексту//Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 416.

9. Барт Р. От произведения к тексту//Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 416.

10. Барт Р. Актовая лекция, прочитанная при вступлении в должность заведующего кафедрой литературной семиологии в Коллеж-де-Франс 7 января 1977 г //Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 550.

11. Барт Р. Мифология сегодня// Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 477.

Д.В. Субботин

РАЦИОНАЛЬНЫЕ МИФЫ: ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ СОВРЕМЕННОСТИ

Д. В. Субботин
(г. Бишкек, Кыргызстан)

преподаватель кафедры
философии и социально
политических наук
Кыргызско-Российского
Славянского
университета

Одной из отличительных черт новоевропейской ментальности, берущей свое начало с философии Просвещения, выступает негативный способ ее самоидентификации. Самоопределение осуществляется главным образом через выявление отличия собственной сущности от всего того, что было раньше, – путем установления того, «...какое различие вводит сегодня по отношению ко вчера». ¹ Такое движение «от противного» закономерным образом сопровождается открыто провозглашаемой оппозиционностью и даже враждебностью нового стиля мышления к традиционным типам духовности. Так, уже у предшественника просветителей Р. Декарта проводится категорическое размежевание между рациональным знанием, отвечающим требованию непосредственной достоверности, и знанием, основанным на вере. Причем под непосредственной достоверностью знания Декарт понимает не столько его эмпирическую данность, сколько именно отсутствие каких-либо посредующих звеньев (будь

то обычай или иной авторитет) в процессе познания субъектом действительности. Гносеологический индивидуализм таким образом начинает граничить с социальным элитаризмом: на истину, как считает Декарт, «...натолкнется скорее отдельный человек, чем целый народ» ². Сходная идея будет позже выдвинута И. Кантом в качестве своеобразного девиза Просвещения: *aude sapere* – «имей мужество пользоваться собственным умом».

Однако здесь можно отметить определенный парадокс. Начавшись с постановки гносеологических проблем и интерпретации акта познания как деятельности автономного, а значит отвлеченного от общества, субъекта, Просвещение вместе с тем свой главный идейный пафос обрело в утверждении особой социальной миссии разума. Субъектом рационального действия объявляется уже не только личность, но и целый народ, человечество. С Просвещения собственно и берет свое начало понятие народа как основного субъекта истории. Как замечает по поводу данного обстоятельства М. Фуко, «Просвещение есть одновременно и некое поступательное движение, в котором люди участвуют совместно, и отважный поступок, надлежащий совершить лично. Люди выступают здесь и как стихия, и как действующие лица одного и того же процесса» ³.

Но не слишком ли с большой легкостью было допущено объединение в одно целое двух на самом деле разных феноменов, а именно – двух различных по своему происхождению типов познания: стихийного, опосредованного народной традицией, с одной стороны, и индивидуализированного теоретического, с другой? И в этом пункте